

плотию походи». затем — в соседний город к некоему пресвитеру и, наконец, в третий раз, следуя за проезжими купцами, — в Киев.

Каждый духовный «подвиг» сына вызывает у матери вспышку необузданного гнева, сопровождающуюся слезами, бранью, угрозами и даже лобоями. Видя, что «гроза» и «ласка» ни к чему не приводят, она принимает и более крутые меры: запирает сына под замок, лишает пищи, связывает ноги цепью. Но тщетно: сын проявляет невозмутимое упорство, и мать скрепя сердце, до новой вспышки, примиряется с положением вещей.

В Киеве, куда ему удалось беспрепятственно добраться, Феодосий стал ходить по монастырям, — рассказывает Нестор — но нигде, ни в одном из киевских монастырей, «видевше отрока простотью», его не приняли: везде, надо полагать, требовали вступительного вклада, у него же ничего не было, кроме ветхого рубища, в которое он был одет. Только за городом, в пещере, где «спасался» некто Антоний, он нашел пристанище. И здесь ему наконец довелось осуществить свое давнишнее чаяние: Антоний по просьбе Феодосия повелел совершить над ним обряд пострижения и облечь в иноческую одежду.

Мать Феодосия между тем принимала все меры, чтобы отыскать сына; она пообещала немалое вознаграждение тому, кто наведет ее на след; бдя себя в грудь, «люте» причитала о сыне, «яко и по мертвем». Так прошло четыре года, пока случайно кто-то не сообщил ей, что видел Феодосия в Киеве. Она немедленно собралась в путь, узнала, что сын ее — у Антония Печерского, разыскала пещеру, и поединок сына с матерью после некоторого перерыва возобновился с новой силой.

Дважды побывала она в пещере, умоляла и требовала показать ей сына. Но Феодосий (он дал обет ни с кем из мирян не общаться) наотрез отказался повидаться с матерью. И только когда она стала угрожать, что «зле» погубит себя здесь, «пред дверьми пещеры сея», он вышел к ней — по настоянию смутившегося духом Антония, не желая его послушаться. На угрозу он ответил угрозой, не менее жесткой: мать не увидит его больше никогда, если не выполнит его обязательного условия — не оставит все и не пострижется в инокини.

Долго колебалась мать, не зная, на что ей решиться. Но в конце концов, после многих лет изнурительной борьбы, сдалась она: победу одержал сын. По совету Феодосия она осталась в Киеве, приняла иноческий образ в монастыре св. Николая, где некоторое время спустя и скончалась.

Из рассказа Нестора следует, что мать Феодосия приняла условие сына отнюдь не по внутреннему убеждению. Покинуть «свет сей мало-временный» и постричься в инокини побуждают ее не любовь к Христу и даже не любовь к сыну, а чудо (Феодосий молился об «обращении» сердца ее, и бог «услыша молитву угодника своего»). Нестор отказался развязать им же и завязанный психологический узел; как и его литературные предшественники в аналогичном случае, он ограничился простой ссылкой на божественное вмешательство в дела человеческие.

Борьба «небесного» начала с «земным», составляющая основное содержание Жития Феодосия в этой его части, нашла свое отражение и в самом строе рассказа Нестора — в распределении светотени и даже частично в языке.

Отрок Феодосий в изображении автора агиографически стилизован. Образ его схематичен и прямолинеен. Он построен по канону, освященному культом святых и вековой литературной традицией. Поступки его однотипны и заранее предписаны церковным идеалом христианского святого-подвижника. Речь его немногословна и всегда особо значительна: